

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235>

Научная статья / Research article

Политика памяти в России: Первая мировая война в европейском контексте

О.С. Поршнева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19,
o.s.porshneva@urfu.ru

Аннотация: Анализируются формирование и эволюция исторической памяти о Первой мировой войне в России в контексте подобных процессов в Европе. Рассматриваются влияние Революции 1917 г., социально-политических трансформаций советского и постсоветского периодов на политику памяти. Характеризуются факторы, определявшие особую роль политики памяти в становлении и функционировании советского государства, значение «переформатирования» памяти о Первой мировой войне в реализации задач создания нового общества и человека, подготовки к новой войне с «империалистическими» державами. Раскрывается роль наиболее влиятельных акторов политики памяти, сыгравших решающую роль в утверждении концепта «империалистической войны» в сознании советского общества: ЦК РКП(б)/ВКП(б), его Отдела агитации и пропаганды, РККА, Коминтерна. Показаны специфика и содержание деятельности РККА и Коминтерна как акторов политики памяти, их взаимодействие в период подготовки и проведения массовых политических кампаний, посвященных годовщинам войны и ее «юбилеям». Характеризуются эволюция политики памяти, корректировка концепции войны и изменения в использовании ее образа в пропаганде середины – конца 1930-х гг. Главным объектом сакрализации после Второй мировой войны в СССР стала Великая Отечественная война, а Первая мировая война осталась символом несправедливых империалистических войн.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Европа, политика памяти, историческая память, юбилеи

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053). «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях».

Для цитирования: Поршнева О.С. Политика памяти в России: Первая мировая война в европейском контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 216–235. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235>

The Politics of Russian Memory: The Great War in the European Context

Olga S. Porshneva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia,
o.s.porshneva@urfu.ru

Abstract: This article examines how the historical memory of World War I emerged and developed in Russia, and also compares it to how Europeans have thought about the conflict. The author argues that the politics of memory differed during the Soviet and post-Soviet periods. In the wake of the 1917 Revolution, Bolshevik efforts to “re-format” the memory of the Great War were part of its

© Поршнева О.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

attempt to create a new society and new man. At the same time, the regime used it to mobilize society for the impending conflict with the 'imperialist' powers. The key actors that sought to inculcate the notion of the war with imperialism into Soviet mass consciousness were the Central Committee of the Bolshevik Communist Party, the Department of Agitation and Propaganda, and, in particular, the Red Army and Comintern. The latter two worked together to organize the major campaigns dedicated to war anniversaries, which were important both to reinforce the concept of imperialist war as well as to involve the masses in public commemorations, rituals and practices. The Soviet state also relied on organizations of war veterans to promote such commemorative practices while suppressing any alternative narratives. The article goes on to explain how, under Stalin, the government began to change the way it portrayed the Great War in the mid-1930s. And after the Second World War, Soviet politics of memory differed greatly from those in the West. In the USSR the Great Patriotic War was sacralized, while the earlier conflict remained a symbol of unjust imperialist wars.

Keywords: World War I, Russia, Europe, politics of memory, historical memory, anniversaries

Acknowledgements and Funding: This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation (Project № 18-18-00053 'Politics of Memory vs. Historical Memory: Napoleonic Wars and World War I in Anniversaries').

For citation: Porshneva, Olga S. "The Politics of Russian Memory: The Great War in European Context." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 2 (May 2021): 216–235. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235>

Введение

В современной историографии активно разрабатывается проблематика памяти применительно к Первой мировой войне, стимулированная «мемориальным поворотом» в историографии и 100-летними юбилеями ее событий¹. Историки изучают эту тематику как в страновом, так и в компаративном ключе, на основе выявления общего и особенного в становлении политики памяти и мемориальной традиции в державах-участницах вооруженного конфликта². Пристальное внимание исследователей привлекает межвоенный период, в течение которого формировались культура памяти о войне и политика памяти, происходили осмысление и инструментализация опыта 1914–1918 гг.

Первая в истории тотальная война породила развитие современных методов управления населением через инструменты массовой политики и пропаганды, распространение новых представлений о взаимоотношениях государства и общества, возможностях социального инжиниринга, переделки сознания и поведения человека. Тем самым она дала мощный импульс развитию политики памяти и исторической политики в XX в.

В трактовке термина «политика памяти» мы разделяем подход А. Миллера, который понимает ее как понятие «для обозначения всей сферы публичных стратегий в отношении прошлого, то есть концептуализации, практик коммеморации и преподавания истории», а историческую политику как «частный случай политики памяти, для которой характерно активное участие властных структур, конфронтационный характер и преследование партийных интересов»³.

¹ Heathorn S. The Mnemonic Turn in the Cultural Historiography of Britain's Great War // *The Historical Journal*. 2005. № 4. P. 1103–1124.

² Hynes S. *A War Imagined: the First World War and English culture*. London, 1990; Mosse G.L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York; Oxford, 1990; Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge, 1996; Winter J. *Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven & London, 2006; Petrone K. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington and Indianapolis, 2011; Колоницкий Б.И. Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // *Звезда*. 2014. № 11. С. 199–216; Politics of Memory: Commemorating War. London and New York, 2017.

³ Националистическая платформа или либеральные версии истории? Историографические развилки последних десятилетий в версии Алексея Миллера. URL://www. <http://gefeter.ru/archive/author/miller> (дата обращения 27.08.2018).

В западной и российской историографии 1990 – начала 2000-х гг. утвердилось представление о Первой мировой войне как «забытой» для России, так как, по словам Д. Орловски, «на протяжении всего советского периода имело место подавление человеческой памяти, желание забыть не только Великую войну, но и павших в ней, и смерть как таковую»⁴. Тезис о Первой мировой войне как «забытой» в советский период истории, как отчасти справедливый, не отвергается и сегодня исследователями, выступая как метафора, инструмент для сравнения мемориальной традиции в России и на Западе.

Историками доказано, что в советской России, в отличие от других европейских стран и США, официальная память о Первой мировой войне была превращена в элемент мифа о Революции, подчинена его логике. Причины вытеснения из российского массового сознания образа Великой войны, как подчеркивают авторы, были связаны как с исторической политикой большевиков, направленной на сознательное переформатирование коллективной памяти, так и с более масштабной, в сравнении с мировой войной, катастрофичностью событий Российской Революции и особенно Гражданской войны, ознаменованных значительно большим количеством жертв. Важную роль в изменении образа войны в ее последний период, оказавшем влияние на историческую память, сыграл фактор разочарования в ее целях, психологической демобилизации российского общества, негативный окопный опыт солдат⁵.

Сравнение российской и европейской/западной мемориальной традиции, выявление в них общего и особенного осуществляется исследователями на основе широкого круга источников, включающих как документальные комплексы, так и художественную литературу⁶. Б.И. Колоницкий на основе анализа произведений литературы и искусства, созданных в ряде стран в ходе самой войны, их общественного восприятия и социально-исторического контекста пришел к выводу о глубоких различиях военной культуры памяти в России и на Западе. В России, – пишет он, – «в 1914–1917 гг. не были созданы такие книги, такие картины, которые было бы невозможно забыть», «забвение войны» началось уже в ходе нее самой⁷. Е.С. Сенявская, напротив, обращает внимание на общие черты, характерные для формирования памяти о войне во всех странах: большую зависимость «официальной» исторической памяти от идеологии и политики; определенную автономность «стихийной» памяти массового сознания, питаемой непосредственным опытом широких слоев и отдельных личностей; значимую роль «культурной фиксации» военного опыта в

⁴ Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война: материалы международного colloквиума. СПб., 1999. С. 49.

⁵ Орловски Д. Великая война и российская память... С. 49–51; Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М., 2010. С. 93–94; Ульянова С.Б. Память об «империалистической войне»... С. 675; Колоницкий Б.И. Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // Звезда. 2014. № 11. С. 199–216; Lohr E., Sanborn J. 1917: Revolution as Demobilization and State Collapse // *Slavic Review*. 2017. Vol. 76. № 3. P. 703–709.

⁶ Petrone K. The Great War in Russian Memory...; Колоницкий Б.И. Первая мировая война.: Нагорная О.С. Плен Первой мировой войны в советской художественной литературе: конфликт и консенсус индивидуальных переживаний // Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С. 127–140; Hellmann B. In Search of the Truth about the Great War: The Theme of War in the Works of Five Russian Writers // *Russian Culture in War and Revolution. 1914–1922. Popular Culture, the Arts, and Institutions*. Bloomington, 2014. P. 209–232; Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 31–37.

⁷ Колоницкий Б.И. Первая мировая война... С. 216.

произведениях литературы и мемуаристики⁸. К. Петрон в своей монографии, посвященной российской памяти о Первой мировой войне в межвоенный период, также обращает внимание на интернациональные явления в культуре памяти, характерные как для европейских стран, так и для советской России. Она связывает это, в частности, с проницаемостью информационных границ между государствами в межвоенное время, осуществлением в раннесоветский период переводов произведений российских авторов на иностранные языки и, с другой стороны, – европейских авторов на русский, изданием на русском языке и распространением в советской России воспоминаний политических и военных деятелей Запада, представителей эмиграции и т.д. Все это, делает вывод К. Петрон, способствовало созданию множественных векторов памяти о войне, как в Советском Союзе, так и в Европе⁹. Опровергая историографическое клише о «забытой войне», она обоснованно утверждает, что отсутствие официальных коммемораций не означает отсутствие памяти, воспоминания и размышления о войне присутствовали постоянно в советской межвоенной культуре, даже если «империалистическая» война часто казалась простой «прелюдией» к революции или ее фоном¹⁰. О.Ю. Никонова также подчеркивает, что тема войны так или иначе присутствовала в советской действительности, но если в официальном дискурсе – в форме крайне упрощенных и реинтерпретированных в духе марксизма символов, то в других сферах – в форме «подтекста», «скрытой информации», проявлявшихся в социальных и дискурсивных практиках и мировоззренческих установках¹¹. А. Коэн подчеркивает общность «мобилизационных» целей использования памяти о войне в России и во многих частях Европы, однако выделяет и различия, связанные с разделением российской памяти между советской и эмигрантской культурами, где она имела разные значения, места памяти и символические выражения¹². К этому положению можно добавить фактор сохранения «расколотой памяти» в современной России, связанный с разным отношением людей к советскому прошлому и его наследию.

Приведенные точки зрения свидетельствуют о сохранении дискуссионного характера проблемы формирования и эволюции памяти о Первой мировой войне в России. Продвинуться в ее понимании поможет изучение взаимодействия политики памяти и массового сознания советского общества; влияния коммуникативной памяти и военного опыта отдельных групп на формирование исторической памяти и реализацию политики памяти; роль репрезентаций индивидуального восприятия прошлого в советском обществе и его соотношения с коллективной памятью. Не ставя задачу решить все эти проблемы, мы постараемся ответить на ряд вопросов, проясняющих общее и особенное в политике памяти в России и европейских странах: Каковы были факторы, определявшие особую роль политики памяти в отношении Первой мировой войны и ее особые механизмы в советском государстве; В чем была специфика российской политики памяти, а также общие черты, роднившие ее с европейскими странами? Какова роль наиболее влиятельных акторов политики памяти в советской России, сыгравших решающую роль в утверждении концепта «империалистической войны» в массовом сознании советского общества? Как акторы политики памяти взаимодействовали в период подготовки и проведе-

⁸ Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе. С. 31–37.

⁹ Petrone K. The Great War in Russian Memory... P. 10.

¹⁰ Ibid., P. 6.

¹¹ Никонова О.Ю. Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 498.

¹² Cohen A.J. Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review. 2003. Vol. 62. № 1. P. 83.

ния массовых кампаний, посвященных годовщинам войны и ее «юбилеям»? Как изменилась политика памяти в отношении Первой мировой войны в России послевоенного и постсоветского периодов?

Большеви́стская политика памяти: акторы и императивы

Пораженческая позиция большевиков в период войны, их потребность в удержании власти и ее легитимации, разрыв с традициями дореволюционной России – все это способствовало утверждению в советской России ленинской концепции «захватнической с обеих сторон», несправедливой, «империалистической» войны как интерпретационной модели, применявшейся по отношению к мировой войне. Теория справедливых и несправедливых войн, разработанная Лениным, позволяла обосновать правомерность лозунга «превращения войны империалистической в войну гражданскую», борьбы с собственным правительством и буржуазией как разновидности «справедливых» войн¹³. В «Прощальном письме к швейцарским рабочим» (1917) Ленин писал: «Мы не пацифисты... мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые могут оказаться необходимыми в интересах социализма»¹⁴. Ленинские идеи об империалистических войнах как войнах «несправедливых» были развиты в раннесоветский период в трудах М.Н. Покровского. В предисловии к сборнику, вышедшему в 1928 г., он писал: «Война была гнило-капиталистической, грабительской, “нападательной” со стороны Антанты вообще и России, в частности, ... ни в какой степени не была “обороной отечества” и “защитой свободы”, не упраздняла, а укрепляла милитаризм, – все это остается на своем месте, как бы ни понимали мы термин “империализм”... признавали ли бы мы наличность самостоятельного “русского”, “национального” империализма, или считали Россию просто вассалом Антанты»¹⁵. М.Н. Покровский, таким образом, прямо поставил вопрос о виновности царского правительства в возникновении войны. Он впервые назвал мировую войну «забытой» для России, объяснив это крахом старого режима: «Империалистическая война у нас в СССР забыта больше, чем где бы то ни было», «Старое сожжено дотла: стоит ли вспоминать, из чего была сделана сгоревшая постройка?», – писал он¹⁶.

Особая активность в использовании инструментов политики памяти в советской России в большой степени определялась стремлением большевиков создать «нового человека», сформировать у людей новую идентичность. Последняя, как справедливо отмечает А. Ассман, наиболее эффективно конструируется посредством аффективного усвоения собственной истории через исторический миф¹⁷. Грандиозность замыслов по «переозначиванию» прошлого, масштабность задач большевистского проектирования, авторитарный характер советского режима определяли методы политики памяти. Важным обстоятельством было то, что носители коммуникативной памяти – участники событий недавнего прошлого, – были живы и могли потенциально представить конкурирующие нарративы. Образ прошлого, предлагаемый официальным дискурсом, нередко расходился с их недавним опытом, что требовало значительных государственных и партийных усилий по подавлению «неудобных» воспоминаний, «периформатированию» памяти.

Выработкой принципов и методов реализации политики памяти занимались руководящие агитационно-пропагандистские структуры коммунистической партии

¹³ Ленин В.И. Социализм и война // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 307–350.

¹⁴ Ленин В.И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 91.

¹⁵ Покровский М.Н. Империалистская война. 1915–1930. Изд. 3-е. М., 2010. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 39.

и советского государства: ЦК РКП(б)/ВКП(б), РККА, Народного комиссариата просвещения, Коминтерна. Формирование официального дискурса о войне происходило на основе его подчинения большевистской концепции Революции, включения в нее в качестве составной части, превращения образа «империалистической войны» в доминирующий нарратив.

Два главных фактора – природа государства и войны, о которой вспоминают, имеют решающее влияние на оформление мемориальных нарративов. Авторитарное государство стремится, как правило, насильственно внедрить доминирующий нарратив, а интенсивные репрессии способны разорвать даже привычные механизмы трансмиссии памяти между поколениями внутри семьи. Так было в СССР в 1930-е гг., когда в полной мере проявился феномен «репрессированной памяти». Причиной ареста могли быть не только награды, но и сохраненные фотографии с изображением людей в форме царской армии¹⁸.

В советской России особую роль среди методов реализации политики памяти играли массовые празднества, важной формой которых были юбилеи. Именно в первой половине 1920-х гг. подготовка к юбилеям стала сопровождаться постановлениями ЦК РКП(б), в которых определялись не только формы празднования, характер юбилейных мероприятий, но и формулировались позиции и оценки, которые должны были стать основой идейного содержания всей литературы, всех выступлений, посвященных юбилейным датам¹⁹. В межвоенный период именно юбилеи стали центральными точками проявления процессов сознательного конструирования прошлого и переформатирования памяти.

Агитпроп ЦК РКП(б)/ВКП(б) разрабатывал и издавал пропагандистские материалы, предназначенные к использованию в ходе массовых кампаний, приуроченных к годовщинам мировой войны и ее «юбилеям», в системе подготовки кадров и политического просвещения населения. В них, помимо готовых пропагандистских текстов, содержались фрагменты статей В.И. Ленина и других лидеров революционного движения, документы Коминтерна, статистические материалы, карикатуры, отрывки из литературных произведений антивоенного характера. Идеи, заложенные в пропагандистских брошюрах, не только тиражировались в системе образования и прессе, но доводились до сознания населения в ходе специальных кампаний на предприятиях, в клубах, избах-читальнях.

Влиятельным актором политики памяти в отношении мировой войны стала РККА. Ее руководство было заинтересовано в изучении опыта мировой войны в интересах подготовки страны к будущей войне, укрепления ее обороноспособности, совершенствования стратегии, тактики, вооружений. С этим было связано создание «Военно-исторической комиссии по описанию войны 1914–1918 гг.», на которую возлагалась задача изучения войны «с целью практического использования ее опыта»²⁰. После преобразования структуры и названия Комиссии²¹ в декабре 1918 г. ее председателем был назначен бывший генерал царской армии А.А. Свечин. Функции Комиссии, помимо сугубо практических, включали научно-академические: собирание архивных документов, написание и издание трудов по истории Первой

¹⁸ Быкова С.И. «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных материалах НКВД // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 2. С. 38–54.

¹⁹ Алексеева Г.Д. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 53.

²⁰ Тархова Н.С. Как создавалась история Первой мировой войны (О деятельности Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.) // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Международной научной конференции. Москва, 7–8 сентября 2004 г. М., 2006. С. 27.

²¹ Там же. С. 28.

мировой войны, выпуск журнала «Военно-исторический сборник», проведение лекций²². Комиссия и ее глава А.А. Свечин ставили также задачу сохранения памяти о героическом самопожертвовании русской армии в сознании советского общества. Свечин писал: «Каково бы ни было отношение народа к минувшей войне, он должен внимательно отнестись к усилиям, упорству, самоотвержению и памяти тех, которые не считая, усеяли своими скромными могилками нашу западную окраину... Воинская доблесть нуждается в культе и культ воинской доблести необходим, чтобы одерживать победы»²³.

Подобная позиция отличала руководство РККА от других структур профессиональным отношением к мировой войне, преемственностью дореволюционного и постреволюционного ее понимания. Несмотря на вытеснение старых военных специалистов «красными» спеццами после ухода Троцкого с поста главы Красной армии работники Военно-исторического отделения Генерального Штаба РККА продолжали активно изучать стратегический и тактический опыт, историю военных операций мировой войны. Поистине колоссальная работа по созданию, переводу, изданию трудов предстает из данных систематического указателя книжной и статейной военно-исторической литературы за 1914–1935 гг. Г. Хмелевского²⁴. Даже с учетом того факта, что указатель литературы был далеко не полным, о чем писали сами составители²⁵, он включал 1633 наименования²⁶, в том числе изданные воспоминания представителей союзников и противников, переведенные на русский язык.

Профессиональный подход, в сочетании с историко-материалистическим видением, был продемонстрирован военными специалистами и исследователями, участвовавшими в создании Военно-исторического музея – филиала Государственного исторического музея, существовавшего с 1921 по 1926 г. Он был создан из коллекций полковых музеев царской армии с целью представления истории военного быта и русского военного искусства 18 – начала 20 в.²⁷ Музей имел отдел по истории мировой войны, включавший экспонаты бывшей царской армии (знамена, иконы, предметы солдатского быта, оружие и т.д.), пользовался большой, растущей популярностью у посетителей²⁸. Это говорило о бытовании в обществе живой памяти и интересе к «германской» войне, затронувшей судьбы миллионов людей.

РККА активно взаимодействовала с другим актором политики памяти – Коминтерном, которому в 1920-х – начале 1930-х гг. принадлежала ведущая роль в ее реализации. Исполком Коминтерна (далее – ИККИ) являлся аналитическим и политическим центром, предлагавшим концептуализацию войны, организовывавшим массовые коммеморации.

Официальные коммеморации и формы общественного участия в конструировании мемориальной культуры

Коминтерн инициировал и возглавил главную юбилейную коммеморацию межвоенного периода, посвященную Первой мировой войне – массовую кампанию «Неделя борьбы против империалистических войн», проводившуюся в 1924 г. с 27 июля

²² Свечин А.А. Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. // Военно-исторический сборник. М., 1919. С. 4–6; Тархова Н.С. Как создавалась история... С. 28–36.

²³ Свечин А.А. Труды Комиссии... С. 6.

²⁴ Хмелевский Г. Мировая империалистическая война 1914–18 гг. Систематический указатель книжной и статейной военно-исторической литературы за 1914–1935 гг. М., 1936.

²⁵ Там же. С. 3–4.

²⁶ Без произведений В.И. Ленина и работ, трактующих его труды.

²⁷ Государственный исторический музей. Отделение письменных источников (далее – ГИМ ОПИ). Ф. 137. Д. 38. Л. 23, 38.

²⁸ Там же. Л. 38 об, 39, 51, 55.

по 4 августа в ознаменование 10-летия начала войны и «краха Второго Интернационала»²⁹. Неделя борьбы против войны носила международный характер и по официальной версии была инициирована Германской коммунистической партией в Письме ее ЦК Исполкому Коминтерна от 3 июня 1924 г.³⁰ Можно предположить, что за этой инициативой стояло Политбюро ЦК РКП(б), так как оно играло определяющую роль в подготовке и проведении V Конгресса, утвердившего проведение кампании³¹. Представители ИККИ от ЦК РКП(б) О. Куусинен, А. Лозовский, Д. Мануильский побывали на съезде КПГ в апреле 1924 г. и, по-видимому, подготовили появление данной инициативы³².

11 июня 1924 г., по Постановлению Секретариата ИККИ от 10 июня, была создана Комиссия по подготовке Недели борьбы против войны. Она развернула широкую пропагандистскую кампанию за рубежом, в которую были вовлечены не только коммунистические партии, но и общественные организации левого толка.

Подготовкой и организацией кампании внутри СССР руководил непосредственно ЦК РКП(б), о чем свидетельствовало секретное Циркулярное Письмо от 11 июля, адресованное всем руководящим партийным органам на местах («всем Облбюро ЦК, ЦК Нацкомпартий, Обкомам и Губкомам РКП(б)»)³³. Для проведения кампании ЦК предлагал «организовать Комиссию в составе: АПО Губкома (Обкома), ГСПС (Губернского Совета профессиональных союзов. – *О.П.*), Политоргана соответствующей красноармейской части, Губполитпросвета, Женотдела и Губкома РКСМ»³⁴, что свидетельствовало о ее масштабности и тотальном характере, стремлении организаторов охватить все слои и группы населения. В инструкции определялись формы, даты и лозунги мероприятий. Среди их форм – массовые демонстрации 3 августа, митинги.

В дополнение к общей инструкции была разработана секретная «Инструкция о проведении кампании десятилетия империалистической войны в печати»³⁵. Документ содержал детальные рекомендации по организации пропаганды в органах печати, среди различных слоев населения, указания по тематике публикаций, их последовательности. Проведение кампании должно было сопровождаться масштабной трансляцией большевистского нарратива о мировой войне как «империалистической»³⁶.

В СССР в ходе Недели, особенно в назначенный для демонстрации день 3 августа, проходили грандиозные манифестации, в которых участвовали до десяти и более тысяч человек. Они сопровождались театральными постановками, политсудами над виновниками войны, политиграми, карнавальными шествиями³⁷. В методических материалах к 10-летнему юбилею войны для рабочих, красноармейских и школьных клубов содержались рекомендации не только принять участие в шествии, но и «придумывать более или менее оригинальные костюмы для участников шествия, например, генералов, инвалидов, калек, костюмы в виде пушек, снарядов,

²⁹ Российский государственный военных архив (далее – РГВА). Ф. 9. Оп. 13. Д. 369. Л. 63.

³⁰ Российский государственных архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 30. Д. 63. Л. 1.

³¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М., 2004. С. 257.

³² Там же. С. 252.

³³ РГВА. Ф. 9. Оп. 13. Д. 369. Л. 63.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 65.

³⁶ Там же.

³⁷ Мальшева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005. С. 79; Ульянова С.Б. Кампания против «империалистических войн» в 1924 году: задачи, проведение, результаты // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 1. С. 41–44.

танков». Группы артистов в ходе празднования Недели, согласно методическим рекомендациям, должны были представлять «агит-балаганы, частушки, сценки, живые картины для исполнения на улицах»³⁸.

Среди направлений деятельности Коминтерна было создание и координация работы интернациональных – «красных» Ассоциаций бывших участников войны, противопоставлявшихся в своей повестке и методах находившимся под влиянием социал-демократов «реформистским» Ассоциациям, созданным под эгидой Лиги Наций и других организаций³⁹. В советской России 10-летний юбилей войны ознаменовался инициативой создания Общества бывших участников империалистической войны, сформулированной 27 августа 1924 г. в Письме в Президиум Коминтерна и ЦК РКП(б) Инициативной группой – «Оргбюро»⁴⁰. Данная группа была создана на собрании бывших участников империалистической войны, состоявшемся 26 июля 1924 г. в клубе ОГПУ им. Дзержинского. Целью Общества объявлялось ведение «широкой агитации среди бывших участников войны, а через них и в самой гуще трудовых масс за идейное и активное противодействие возникновению новых империалистических войн»⁴¹. В СССР была создана и другая организация – Общество бывших российских солдат 1 и 2 особых дивизий, находившихся во Франции и на Балканах⁴². Устав Общества был утвержден Председателем СНК СССР А.И. Рыковым 13 февраля 1925 г. Среди его целей и задач обозначались «принятие мер к собиранию, сохранению, разработке и опубликованию материалов, касающихся жизни и принудительного задержания на работах бывших солдат 1 и 2 особых дивизионов», «увековечение в той или иной форме памяти погибших товарищей», а среди прав – проведение съездов, совещаний, конференций, вечеров воспоминаний, организация клубов, читален, командирование членов на места и за границу для сбора материалов, относящихся к пребыванию дивизии за рубежом»⁴³.

Среди ряда изданных с политическими целями воспоминаний был сборник «Октябрь за рубежом»⁴⁴, куда вошли мемуары бывших солдат, воевавших во Франции и на Балканах, активно участвовавших в революционной борьбе, преимущественно членов солдатских комитетов. Характерно, что героический дискурс, несмотря на идеологическую заточенность, «прорывался» и в них. Так, в предисловии от имени «Бюро Общества бывших русских солдат во Франции и на Балканах» причины использования союзниками русских солдат за рубежом объяснялись их высокими боевыми качествами: «Русские солдаты, которые с таким успехом ломают сопротивление “бошей”, с успехом врываются в Восточную Пруссию, в Галицию и накатываются на Карпаты, в то время, когда солдаты Франции, Англии и Бельгии, терпя поражение, откатываются к стенам Парижа»⁴⁵.

В целом, несмотря на усилия властей, тематика «трагического» героизма присутствовала, по данным К.А. Пахалюка, в воспоминаниях, выходящих в 1920–1930-е годы⁴⁶. Для мемуарной литературы 1920–1930-х гг. следование жестким канонам марксизма-ленинизма было, по его оценке, скорее исключением, нежели правилом, а гораздо большее влияние на нее оказывал набор базовых установок интерпретации социальной реальности (в том числе и прошлого), а также сложившаяся кол-

³⁸ Никонова О.Ю., Раева Т.В. Первая мировая война... С. 15.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30 Д. 281. Л. 63–68.

⁴⁰ Там же. Д. 83. Л. 4.

⁴¹ Там же. Л. 4 об.

⁴² Там же. Д. 281. Л. 1–2.

⁴³ Там же. Л. 125, 125 об.

⁴⁴ Октябрь за рубежом. Сборник воспоминаний. М., 1924.

⁴⁵ Там же. С. 8–9.

⁴⁶ Пахалюк К.А. Отражение героизма русских солдат... С. 206–236.

лективная дискуссия о Первой мировой, в частности кристаллизовавшиеся в ходе нее наиболее значимые темы, подходы, способы постановки проблемы⁴⁷.

В 1927 г. ЦК ВКП(б) и ИККИ поставили задачу создать объединенное «Общество бывших участников и жертв империалистической войны». Оно должно было строиться не на началах индивидуального членства, а в форме «федерации уже существующих и могущих быть созданными отдельных организаций», как то: ВИКО (Всероссийского производственного и потребительского объединения инвалидов), Общества бывших русских солдат во Франции и на Балканах, объединений инвалидов отдельных союзных республик и т.д.⁴⁸ Данная задача стала реализовываться в августе 1927 г., когда был разработан Проект Устава Общества⁴⁹. В Уставе определялась модель коммемораций бывших участников войны на основе обязательного соединения памяти о погибших с нарративом об антивоенной революционной борьбе⁵⁰. Основной задачей Общества провозглашалось «предотвращение возникновения империалистических войн»⁵¹. Существовали классовые и политические ограничения в отношении членства в Обществе, в которое не могли войти «лишечны» и представители «не трудовых» классов⁵².

Вечера воспоминаний бывших участников войны проводились в рамках кампаний, посвященных годовщинам «империалистической войны», Антивоенному Дню 1 августа. Несмотря на жесткий контроль, локальные практики воспоминаний во время празднования «антиимпериалистического Дня» 1 августа (с 1929 г.) иногда выходили за предписанные идеологические рамки, что вызывало негативную реакцию местных руководителей, под давлением которых «односторонние» (а по сути, – расходившиеся с официальными) оценки блокировались, как это было, например, в Уфе⁵³.

Таким образом, под политический контроль была поставлена коммуникативная память бывших участников войны путем установления надзора над создаваемыми «сверху» общественными организациями, недопущения стихийных объединений, запрета организаций, занимавших «антибольшевистские» позиции, мониторинга настроений и поведения ветеранов. «Союзы фронтовиков» – объединения, создававшиеся еще в период мировой войны, были подвергнуты репрессиям и распущены из-за их участия в антибольшевистской борьбе в годы Гражданской войны⁵⁴.

Важной составляющей политики памяти в отношении Первой мировой войны была антивоенная пропаганда, включающая критику реальных пороков договора и международных противоречий, порождаемых им. При этом акцент делался на неизбежности новой империалистической войны и/или мировой революции как закономерных последствий Версальского мира⁵⁵.

Отличительной чертой межвоенной культуры памяти в Европе, в сравнении с Россией, было то, что в реализации политики памяти легально участвовали представители гражданского общества, предлагавшие разное толкование смысла жертв и потерь, принесенных на алтарь войны. Так, в Великобритании коммеморации вдохновляли дискуссии вокруг актуальных политических проблем, ведущиеся с исполь-

⁴⁷ Пахалюк К.А. Отражение героизма русских солдат... С. 207.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 401. Л. 194.

⁴⁹ Там же. Д. 404. Л. 24–36.

⁵⁰ Там же. Л. 25.

⁵¹ Там же. Л. 27–28.

⁵² Там же. Л. 25.

⁵³ Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М., 2010. С. 97.

⁵⁴ Дмитриев П.Н. Организации бывших военнослужащих накануне Ижевско-Воткинского восстания // ИДНАКАР. 2014. № 1. С. 5–23.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 192. Л. 14.

зованием идеалов гражданства, утвержденных подвигом павших. Однако что именно коммеморации должны были означать для общества, как подчеркивает А. Кинг, было предметом политических дебатов⁵⁶. Подобный плюрализм и борьба мемориальных нарративов имели место в Германии до 1933 г., и в межвоенной Франции⁵⁷.

Другую особенность пропагандистского дискурса о Первой мировой войне в СССР справедливо охарактеризовал А. Коэн, отметивший, что кампании в прессе в связи с годовщинами войны не включали воспоминаний специфического российского военного опыта, деталей сражений, страданий гражданских и военных лиц. Например, в 1924 и 1926 гг. рубрики «Помни о войне» призывали читателей вспоминать не конкретные события и факты, а империалистическую природу войны. Статьи фокусировали внимание на международных аспектах войны и «разъединяли» войну и специфическое российское прошлое. Мишенью антивоенных материалов (как и в пропаганде большевиков в 1914 г.) была буржуазия и ее «лакеи» – европейские социал-демократы⁵⁸.

Массовой кампанией, посвященной годовщинам «империалистической войны» и предполагавшей организацию публичных коммемораций, стал Антивоенный День 1 августа. Он был введен по решению VI Конгресса Коминтерна (1928 г.) и 10 Пленума ИККИ (июль 1929 г.), «во исполнение постановления VI Всемирного Конгресса об организации международного дня против империалистической войны»⁵⁹. Во введении Методического пособия для докладчиков и групповых агитаторов, посвященного Международному Дню борьбы против империалистической войны 1 августа, авторы подчеркивали, что отнюдь «не юбилейные соображения», хоть День и совпал с 15-летием начала войны и 10-летием Версальского мира, побудили Коминтерн поставить в центре внимания вопрос о войне⁶⁰. «1 августа – не просто обычная демонстрация или антивоенный парад, не просто обычное юбилейное напоминание о 15-летию первой всемирной империалистической войны, – отмечалось в брошюре. Международная политическая обстановка складывается так, что опасность новой войны становится самой злободневной»⁶¹. Докладчики, как предлагалось в пособии, должны были увязать борьбу против опасности новой войны с задачами текущего момента – индустриализации, социалистической переделки сельского хозяйства, борьбой с внутренним врагом⁶².

С введением Антивоенного Дня 1 августа в 1929 г. связана милитаризация практик коммемораций, посвященных «империалистической» войне, отражавшая общую тенденцию эволюции праздничной культуры на рубеже 1920–1930-х гг.⁶³ Частью праздничной программы с этого времени стали парады физкультурников и осоавиахимовцев⁶⁴. В целом, подчеркивают О.Ю. Никонова и Т.В. Раева, практика проведения Международного антивоенного Дня в 1930-е гг. упрощается и обедняет

⁵⁶ King A. *The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914–1939*. London, 1993. P. 3–4.

⁵⁷ Theodosiou C. *Le deuil inachevé. Lacommemoration de l'Armistice du 11 Novembre 1918 en France dans l'entre-deux-guerres*. Paris, 2018; Die Urkatastrophe als Erinnerung. *Geschichtskultur des Ersten Weltkriegs*. Münster, 2006; Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев. М., 2020. С. 323–356, 387–413.

⁵⁸ Cohen A.J. *Oh, That! Myth, Memory...* P. 80.

⁵⁹ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания Конгрессов Коминтерна и Пленумов ИККИ. 1919–1932. М., 1933. С. 908.

⁶⁰ 1-е августа – международный красный день борьбы против империалистической войны. Методическое пособие для докладчиков и групповых агитаторов. М.-Л., 1929. С. 3.

⁶¹ Там же. С. 4.

⁶² Там же. С. 53–58.

⁶³ Рольф М. *Советские массовые праздники*. М., 2009. С. 97–110.

⁶⁴ Никонова О.Ю., Раева Т.В. *Первая мировая война...* С. 19.

ется, при этом инструментальная база воздействия на аудиторию расширяется, включает радио, звуковое кино, театр, выставки, кинопередвижки, спартакиады, позволявшие унифицировать и централизовать агитационно-пропагандистскую работу⁶⁵. В результате 1 Августа стало символом абстрактной идеи «империалистической войны», а не знаком, отсылающим к специфическому историческому событию⁶⁶. Как справедливо отметил А. Коэн, как любая публичная память, память о Первой мировой войне нацелена на создание настоящего так же, как и на воспоминания о прошлом⁶⁷. В СССР миф об «империалистической войне» отделял советскую Россию от имперского российского прошлого и враждебного капиталистического настоящего. Память о войне использовалась для представления советской версии современной реальности как борьбы между Советским Союзом и империалистическими агрессорами⁶⁸.

Изменение общественно-политической конъюнктуры – нарастание реальной угрозы войны после прихода Гитлера к власти в Германии, попытки СССР создать систему коллективной безопасности, его вступление в Лигу наций, крах надежд на скорую мировую революцию, – обусловили своеобразие юбилейного дискурса 1934 г. В нем появилась пацифистская риторика, он отличался многоаспектностью и неоднозначностью, более сложным взглядом на мировую войну писателей и публицистов⁶⁹.

Использование пацифистской риторики в 1930-е гг. не было случайным, определялось установкой ЦК ВКП(б) и решениями, принятыми на VII Конгрессе Коминтерна о необходимости единого рабочего фронта и возможности создания правительств Народного фронта для совместной борьбы с фашистской угрозой, в сотрудничестве с реформистскими, социал-демократическими, религиозно-демократическими, национально-освободительными и пацифистскими организациями⁷⁰.

От советского патриотизма к постсоветской памяти: возвращение героического дискурса?

В дискурсе 1930-х гг., посвященном «империалистической» войне, как и в целом в политической лексике этого периода, сосуществовали национальные и антивоенные элементы, пропагандировался «советский патриотизм» как приверженность социалистическому отечеству, готовность встать на его защиту. Это было относительно новым явлением и отражало национально-патриотический поворот в советской идеологии в сер. 1930-х –1941 гг. Не случайно юбилейная литература 1930-х гг., в сравнении с предшествующим периодом, обходит вопрос об ответственности России за возникновение мировой войны, а в публикациях, приуроченных к 1 августа 1939 г., Германия уже называется ее «зачинщиком». Так, в связи с 25-летним юбилеем войны, в газете «Уральский рабочий» от 1 августа 1939 г. в передовой статье, перепечатанной из «Правды» (за 31 июля 1939 г.), говорилось: «Виновниками войны являлись империалисты всех стран. А главным зачинщиком ее был германский империализм... Уроки первой империалистической войны ярко живут в памяти народов... Первая империалистическая война нанесла тяжелейший удар империализму. В надежде оправиться он затевает вторую»⁷¹.

⁶⁵ Никонова О.Ю., Раева Т.В. Первая мировая война... С. 20.

⁶⁶ Cohen A.J. Oh, That! Myth, Memory... P. 80.

⁶⁷ Там же. P. 85.

⁶⁸ Там же. P. 83.

⁶⁹ Petrone K. The Great War in Russian Memory... P. 181, 235.

⁷⁰ О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. Резолюция по докладу г. Тольятти, принятая VII Конгрессом Коминтерна 20 августа 1935 г. // VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизм и войны. (Сборник документов). М., 1975. С. 386–387.

⁷¹ Уральский рабочий. 1939. 1 августа. С. 2.

Корректировка концепции войны, изменения в определении ее виновников, роли России в составе Антанты была закреплена в «Кратком курсе истории ВКП(б)», вышедшем в 1938 г., где делался акцент на англо-германских противоречиях как главном факторе конфликта держав, а роль России определялась как зависимая от Англии и Франции⁷².

Изменение пропаганды в отношении «империалистической» войны в конце 1930-х гг. проявлялось и во включении исторических деталей в ход коммемораций 1 Августа⁷³. Так, в 1939 г. статья Д. Заславского «Героизм русского солдата» в газете «Красная звезда» прославляла героизм, стойкость и мужество простых солдат в мировой войне. В статье говорилось: «Советская военно-историческая литература о мировой войне изобилует фактами героизма русских солдат... Русский солдат завоевал для себя новую славу во время империалистической войны»⁷⁴. В статье приводились конкретные примеры солдатской доблести, решительности, смелости, повлиявшие на исход тех или иных сражений. Содержалась констатация, что русская армия не была разбита и побеждена в 1917 г., а добровольно вышла из войны⁷⁵.

Исторические образы, связанные с Первой мировой войной, широко использовались в пропаганде в ходе Второй мировой, когда встала необходимость мобилизовать патриотизм населения для ведения Отечественной войны⁷⁶. «Империалистическая» война стала «Первой мировой», враг – не «международным империализмом», а «германским империализмом», подчеркивались общие черты, роднящие последний с нацистским экспансионизмом. В статье «Правды» от 31 июля 1942 г. опыт Красной армии связывался с опытом Русской армии в годы Первой мировой войны, значимостью Восточного фронта⁷⁷. Эксплуатировался образ «немецких зверств» в истории войн, в том числе в период 1914–1918 гг., были опубликованы документы, относящиеся к этой теме⁷⁸. Тема героизма русских солдат в годы Первой мировой войны присутствовала в воспоминаниях военачальников, вышедших после 1945 г.⁷⁹ Для мемуаров, изданных после 1945 г., свойственна, по оценке К.А. Пахалюка, «попытка примирить две ценности: патриотизм (образца царского времени) и революцию. Теперь доблестная служба в императорской армии сама по себе не имеет оттенка контрреволюционности, от которого надо откреститься»⁸⁰.

Однако в послевоенный период Первая мировая война оставалась все-таки «более полезной» в своей символической функции, а не в историческом содержании⁸¹. Главным событием исторической памяти российского общества стала «Великая Отечественная война», от исхода которой зависело само право на существование русского народа и других народов СССР. Великая Отечественная война стала в послевоенный период новой основой легитимности советской системы и в этой функции с 1970-х годов стала заменять миф о революции. С течением времени, по мере ухода живых носителей памяти о Первой мировой войне, особенно после катастрофы Второй мировой войны, «империалистическая» война надолго переместилась на «задворки» исторического сознания советского общества. Однако это не означает, что память о Первой мировой войне полностью исчезла из общественной

⁷² История коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 155.

⁷³ *Cohen A.J.* Oh, That! Myth, Memory... P. 82.

⁷⁴ Красная звезда. 1939. 1 августа.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Колоницкий Б.И.* Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // Звезда. 2014. № 11. С. 199.

⁷⁷ Правда. 1942. 31 июля. С. 4.

⁷⁸ Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М., 1942.

⁷⁹ *Пахалюк К.А.* Отражение героизма русских солдат... С. 211.

⁸⁰ Там же. С. 233.

⁸¹ *Cohen A.J.* That! Myth, Memory... P. 83.

жизни. Существовали три ключевых контекста, позволявшие обращаться к Первой мировой войне: исторические традиции Советской армии, предыстория «Великой Октябрьской социалистической революции» и биографии «выдающихся» граждан СССР⁸². Война не была полностью «забыта», но вложенные в нее смыслы не способствовали практикам поминовения, а ее материальное наследие было фактически предано забвению⁸³.

В историографическом плане Первая мировая война в течение всего советского периода не была «забытой», будучи тесно связанной с темой Революции, получая разработку с позиций марксистско-ленинской методологии в рамках военно-исторической, социально-экономической и политической проблематик.

В обстановке либерализации политической и общественной жизни страны второй пол. 1950-х гг., в условиях преодоления сталинского догматизма начался новый этап исследований Первой мировой войны. Он был связан с широкой публикацией источников по истории революционного движения, приуроченной к 40-летию Октябрьской революции. Воспоминания и другие документы, вышедшие в этот период, содержали богатый фактический материал, позволявший извлечь неявную информацию, что объективно создавало возможности для новых обобщений⁸⁴.

Всплеск научного интереса к истории Первой мировой войны был отмечен в СССР в связи с 50-летием ее событий, в 1964–1968 гг., когда состоялись специальные заседания Научного совета РАН, были подготовлены и изданы монографии и сборники трудов, проведены научные конференции⁸⁵.

1960-е – 80-е гг. характеризовались дальнейшим расширением источниковой базы исследований российского общества в годы Первой мировой войны: использованием разнообразных архивных материалов, опубликованных и неопубликованных статистических данных, воспоминаний, сборников документов, газетной и журнальной периодики. Значительно расширяется в эти годы проблематика научных исследований, повышается научный уровень работ.

В условиях действия этих тенденций в середине 1960-х – середине 80-х гг. появились труды, содержавшие не только ценный фактический материал, но и нетрафаретные выводы и оценки сознания и психологии массовых слоев российского общества в период Первой мировой войны и революции 1917 г.⁸⁶ Они принадлежали в основном представителям так называемого «нового направления» в историографии, возникшего на рубеже 1960–1970-х гг.

Однако ситуация в историографии не изменилась принципиально вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда в связи с перестройкой и последовавшим крушением СССР были предприняты шаги по комплексному переосмыслению истории России, включая историю Первой мировой войны.

Методологический плюрализм, снятие идеологических ограничений в использовании разнообразных по своему происхождению источников позволили историкам по-новому взглянуть на этот период, разработать новые подходы к его осмыслению. О расширении источниковой базы и общественном интересе к истории России в годы Первой мировой войны свидетельствовали выход в свет сборника «Первая мировая» из серии «История Отечества в романах, повестях, документах. Век XX», периодическая публикация материалов о Первой мировой войне в научно-популярных журналах, издание в серии «редкая книга» дневников, мемуаров участни-

⁸² Война, политика, память... С. 502–512.

⁸³ Там же. С. 506.

⁸⁴ См.: Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 30.

⁸⁵ 50 лет советской исторической науки, 1917–1967: Хроника. М., 1971. С. 430.

⁸⁶ См.: Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты... С. 31.

ков войны, документов, характеризующих состояние и быт русской армии⁸⁷. Расширению исследовательского кругозора отечественных историков способствовало использование переведенных на русский язык и оригинальных работ зарубежных исследователей по истории России рассматриваемого периода⁸⁸, а также проведение совместных симпозиумов и коллоквиумов российских и зарубежных ученых⁸⁹. Попыткой «заново оценить драматический опыт 1914–1918 гг. уже на базе объективных познавательных критериев и с учетом достижений мировой науки» стал выход в свет подготовленного институтом Всеобщей истории РАН сборника «Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории»⁹⁰.

Активизация изучения Первой мировой войны была обусловлена двумя датами, отмечавшимися в 1994 и 1998 гг. – 80-летием ее начала и окончания. К этим датам были приурочены международная конференция «Первая мировая война и XX век», дискуссия отечественных историков в рамках «круглого стола», международный научный коллоквиум «Россия в Первой мировой войне»⁹¹, ознаменовавшие явно выявившуюся тенденцию интеграции концептуальных подходов российских и зарубежных ученых в исследовании Первой мировой войны.

Заметным явлением нач. 2000-х – 2010-х гг. стало преодоление разрыва в изучении собственно военной и «гражданской» истории России 1914–1917 гг., характерного для советской историографии. По оценке Ю.А. Петрова, ситуация стала меняться в связи со 100-летним юбилеем начала войны, когда вышли в свет первые обобщающие работы, в которых в едином контексте рассмотрены экономическое положение страны, социальные процессы и политический кризис военных лет⁹².

В последние десятилетия, в отличие от советского периода, ситуация с памятью о войне в России коренным образом изменилась в двух отношениях. Речь идет не только о научных исследованиях Первой мировой войны («памяти историков»), но и об общественном внимании к этой теме, ее включенности в актуальную коллективную память о прошлом. Если в 2000 г. опрос россиян Фондом «Общественное мнение» показал, что ни один из респондентов не назвал Первую мировую войну среди важнейших событий современной истории⁹³, то в канун и в ходе 100-летнего юбилея она уже присутствовала в актуальной общественной повестке и общественном сознании населения. Факторы «возвращения памяти» о Первой мировой войне в современной России связаны прежде всего с отказом от советского проекта и реа-

⁸⁷ Первая мировая. История Отечества в романах, повестях и документах. Век XX. М., 1989; Родина. 1993. № 5–6, 8–9; *Войтоволский Л.Н.* Выходил кровавый Марс: По следам войны. М., 1998; Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999; *Бочкарева М.* Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи Исаака Дон Левина. М., 2001.

⁸⁸ *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде. М., 1986; *Карр Э.* История Советской России: большевистская революция, 1917–1923. М., 1990; *Пайнс Р.* Русская революция. М., 1994; *Холмс Л.* Социальная история России: 1917–1941. Ростов-на-Дону, 1994; *Рейли Д.* Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995; *Hosking G.* A history of the Soviet Union. L., 1990.

⁸⁹ Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992; Рабочее движение и Первая мировая война (о книге «Забастовки, социальный конфликт и Первая мировая война. Международный аспект») // Отечественная история. 1994. № 2. С. 203–207; Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997; Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб, 1999.

⁹⁰ Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 4–5.

⁹¹ Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998; Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол» // Новая и новейшая история, 1994. № 4–5; Россия и Первая мировая война. СПб, 1999.

⁹² *Петров Ю.А.* Россия накануне Великой Революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 12.

⁹³ *Cohen A.J.* Oh, That! Myth, Memory... P. 84.

билитацией ценностей дореволюционной имперской России. Можно согласиться с К. Пахалюком в том, что особую роль в этом процессе сыграло усиление идеологии государственного патриотизма в 2000-е г. с его акцентом на «сильную национальную государственность», «аффективный менеджмент прошлого» с приоритетом тематики героизма в период подготовки и проведения 100-летнего юбилея войны⁹⁴.

Политика памяти в отношении Первой мировой войны в современной России претерпела определенную эволюцию в 1990-е – 2010-е гг., сохраняет противоречивый характер. Если в 1990-е гг. она была направлена на «встраивание» в пространство общеевропейской памяти, то в 2000-е – 2010-е гг. – на формирование особой национальной памяти с доминированием героического дискурса. Так, 8 ноября 1998 г., впервые после 1917 г., в России был открыт монумент, посвященный павшим в войне, – «Примирия нации» – на территории бывшего кладбища Первой мировой войны в Москве. Открытие и поминальная коммеморация состоялись в год 80-летней годовщины окончания войны. Данный акт, как справедливо подчеркивает А. Коэн, был проявлением стремления вписать российский опыт в общеевропейский контекст и общеевропейскую память, преодолеть политическое деление на Белых и Красных в современной России⁹⁵.

Возрождение памяти о войне было ознаменовано также мероприятиями в Москве в 2001 г., когда отмечалась 85-я годовщина Брусиловского прорыва, массовым открытием с 2004 г. мемориалов, музеев и музейных экспозиций, посвященных войне, особенно масштабным в период 100-летнего юбилея начала войны. 1 августа 2014 г. Президент России В.В. Путин торжественно открыл памятник героям Первой мировой войны на Поклонной горе⁹⁶, в период юбилея было создано около 100 памятников, обелисков, бюстов и мемориальных досок, а в 2018 г. обновлен портал-картотека «Памяти героев Великой войны», на котором размещены сведения о более чем 10 млн воинов русской армии⁹⁷. Знаковым стало превращение с 2013 г. 1 августа в День памяти российских воинов, погибших в 1914–1918 гг., вместо прежнего «антивоенного дня». Представление о войне как общечеловеческой трагедии, стремление актуализировать значимость ее исторических уроков, отраженных в мемориалах памяти, документах и других свидетельствах о Первой мировой войне в Европе и России, характерно для современных студентов⁹⁸.

Эволюция политики памяти в России в 2000–2010-е гг. проявилась в нарастании различий в мемориальном дискурсе и способах его репрезентации в сравнении с Западом⁹⁹. В России в объяснении причин Революции во время мировой войны и оценке социально-политической ситуации 1915–1917 гг. зачастую стали использоваться антизападные конспирологические теории (масонского, либерального заговора и т.д.), не имеющие научных оснований, но получившие достаточно широкий резонанс и репрезентацию в популярных медиа. Лидеры профессионального сообщества подвергли их критике, однако подобные версии транслируют и некоторые современные историки¹⁰⁰. В российском мемориальном дискурсе, воплощенном в

⁹⁴ Пахалюк К. 1914–2017: Первая мировая война в пространстве культурной памяти современной России. Незабывтая «забытая» война. URL: <http://www.gefter.ru/archive/22877> (дата обращения: 23.08.2018).

⁹⁵ Cohen A.J. Oh, That! Myth, Memory... P. 84.

⁹⁶ Открытие памятника героям Первой мировой войны. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46385/photos> (дата обращения: 12.09.2020).

⁹⁷ Война, политика, память... С. 519.

⁹⁸ Быкова С.И. Первая мировая война в представлениях современных студентов // К 100-летию Первой мировой войны: война, социум, международные отношения. Екатеринбург, 2015. С. 298–308.

⁹⁹ Нагорная О.С. Музеализация Первой мировой войны в Германии и России: Юбилейные выставки между героикой и гуманизмом // Вестник Пермского университета. 2014. № 4. С. 37–43.

¹⁰⁰ См.: Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции... С. 15–16.

музейных проектах, по оценке О.С. Нагорной, вопреки достаточно развитому антропологическому направлению исторических исследований, недостаточно учитывается «человеческое измерение» войны, допускается глорификация негативного военного опыта. Это, по мнению исследователя, исключает общецивилизационные перспективы, зачастую относит на второй план античеловеческую природу войны, переживания некомбатантов (женщин, беженцев, военнопленных, инвалидов), воспроизводит милитаризированный дискурс, «диссонирующий с постгероической парадигмой европейской культурной памяти»¹⁰¹. Надо признать, однако, что воспроизводство героического дискурса времен Первой мировой войны имело место и в политике памяти других стран в период юбилейных коммемораций, и также подверглось критике академического сообщества¹⁰².

Выводы

Таким образом, в отличие от большинства европейских стран – главных участниц Первой мировой войны, в Советской России межвоенного периода историческая политика не была направлена на превращение памяти о войне в доминирующий «мемориальный проект». Она была подчинена задачам утверждения мифа о Революции, легитимации советского режима и политической мобилизации населения для подготовки к новой империалистической войне. Апеллируя к негативно-окопному опыту солдат и разочарованию значительных слоев населения в войне в ее последний период, используя методы массовой пропаганды, политического контроля и репрессий, большевики продвигали концепт «империалистической войны» в сознание общества, конструировали его коллективную память, вытесняли и подавляли альтернативные дискурсы. Осуществлялся надзор партийных и государственных органов над коммуникативной памятью ветеранов.

В то же время, как и в Европе, в России опыт мировой войны, несмотря на интернационалистский акцент в пропаганде и включение нарратива об «империалистической войне» в меганарратив о Революции, тщательно изучался и осмысливался военными специалистами и политической элитой. В СССР официальный дискурс о войне и государственные коммеморации были детерминированы доминирующей идеологией, а память о войне в разных формах стихийно проявлялась в мемориальной культуре. Однако специфика советского государства была в том, что оно стремилось во что бы то ни стало преодолеть сохранявшуюся стихийность массового сознания, целенаправленно и активно формируя коллективную память, не допуская в эту сферу конкурентов.

Во всех странах память о Великой войне была межвоенной конструкцией, именно в этот период формировалась культура памяти о войне народов, переживших глобальный вооруженный конфликт. В отличие от советской России, в Великобритании и Франции, вышедших из Первой мировой войны победившими, а также в побежденной Германии, до прихода к власти нацистов, помимо государства и его политических течений влиятельными акторами политики памяти выступали различные агенты гражданского общества, воздействовавшие на понимание того, как и что надо вспоминать.

В советской России, как и в других странах, значимую роль в мемориальной культуре межвоенного периода сыграл фактор разочарования в войне, по-разному проявившийся. В России он обозначился как отрицание «империалистической» войны,

¹⁰¹ Нагорная О.С. Музеализация Первой мировой войны... С. 43.

¹⁰² Война, политика, память... С. 468; Голубинов Я.А. Столетие Первой мировой войны в Великобритании и изучение конфликта в школах королевства // Преподавание военной истории в России и за рубежом. М.; СПб., 2019. С. 71.

резонирующее с окопным опытом солдат и психологической демобилизацией российского общества в последний период мировой войны. В Великобритании, Франции и Германии – с возникновением традиции памяти, связанной с «пацифистской реакцией» и образом разочарованного комбатанта, сложившемся в литературе 1920-х – 1930-х гг. Несмотря на серьезные различия традиций памяти, возникших в межвоенный период в России и других европейских странах – участницах конфликта, в них были и иные, помимо уже отмеченных, общие черты. К ним можно отнести конфликты вокруг памяти о войне, проявлявшиеся как в Европе, так и, в своеобразной форме, – в советской России.

В 1920-е гг. в советской России сохранявшийся информационный обмен с Европой, близость недавнего прошлого и живая память его свидетелей, незавершенность эволюции авторитарного советского режима также позволяли проявляться и взаимодействовать множественным дискурсам памяти. В 1930-е гг. государство с помощью репрессий подавляло реальные и мнимые оппозиционные взгляды и настроения, в том числе – «ненадлежащую» память о прошлом.

После Второй мировой войны для европейских стран новыми явлениями в исторической памяти и политике памяти стали «объединение» памяти о павших в Первой и Второй мировых войнах. Этот феномен проявился в создании общих коммемораций, посвященных павшим в двух мировых войнах, праздновании совпадающих юбилейных дат обеих войн, актуализации «послания памяти», заложенного в ритуалы, обращении к молодому поколению, формировании общеевропейских коммемораций и общеевропейской памяти.

В СССР главным объектом сакрализации после Второй мировой войны стала Великая Отечественная война, а Первая мировая война осталась символом несправедливых империалистических войн, агрессивной природы капитализма. Несмотря на использование пропагандистских образов эпохи Первой мировой войны в интересах патриотической мобилизации в годы Великой Отечественной войны, присутствия в воспоминаниях военачальников после 1945 г. темы героизма русских солдат в годы Первой мировой войны, «объединение» памяти об этих войнах не состоялось. Более того, в политике памяти эти войны противопоставлялись как несправедливая «империалистическая» и справедливая Отечественная. Если после Второй мировой войны Первая мировая война и не была полностью «забыта», то вложенные в нее смыслы не способствовали возникновению и поддержанию практик ее поминовения, а память об этой войне отошла на периферию массового сознания.

Общим для стран Европы и России стал «мемориальный бум» 1990-х – 2010-х гг., сопровождавшийся возрождением интереса к Первой мировой войне как явлению, определившему историю 20 века, особенно ярко проявившийся в юбилейных кампаниях, превратившихся в медийные события. Несмотря на различающийся набор факторов «мемориального бума» и отличия в мемориальной культуре России и Европы, диалог традиций памяти по-прежнему возможен. Он дает надежду на формирование общего пространства памяти о величайшей трагедии 20 века.

Поступила в редакцию / Received: 02.11.2020

References

- Alekseeva, G.D. "Istoricheskaya nauka v Rossii posle pobedy Oktyabr'skoy revolyutsii." In *Rossiya v XX veke: Sud'by istoricheskoi nauki Rossiia v XX veke: sud'by istoricheskoi nauki*, 43–58. Moscow: Nauka Publ., 1996 (in Russian).
- Bykova, S.I. " ' Punished memory ' : evidence of the past in the investigative materials of the NKVD. " *Emergency ration. Debates on politics and culture*, no. 2 (2009): 38–54 (In Russian).

- Cohen, A.J. “Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union.” *Slavic Review* 62, no. 1 (2003).
- Dmitriev, P.N. “Organizations of former servicemen on the eve of the Izhevsk-Votkinsk uprising.” *Idnakar*, no. 1 (2014): 5–23 (in Russian).
- Golubinov, Ya.A. “Stoletie Pervoy mirovoy voiny v Velikobritanii i izuchenie konflikta v shkolakh korolevstva.” In *Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom*, 69–72. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2019 (in Russian).
- Heathorn, S. “The Mnemonic Turn in the Cultural Historiography of Britain’s Great War.” *The Historical Journal*, no. 48 (2005): 1103–1124.
- Hellmann, Ben. “In Search of the Truth about the Great War: The Theme of War in the Works of Five Russian Writers.” In *Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Popular Culture, the Arts, and Institutions*, 209–232. Bloomington: Indiana, 2014.
- Hynes, S.A. *War Imagined: The First World War and English culture*. London: the Bodley Head, 1990.
- Khmelevskiy, G. *Mirovaya imperialisticheskaya voina 1914–18 gg. Sistematischeskiy ukazatel' knizhnoy i stateynoy voenno-istoricheskoy literatury za 1914–1935 gg.* Moscow: [N.s.], 1936 (in Russian).
- King, A. *The Politics of Meaning in the Commemoration of the First World War in Britain, 1914–1939*. London: University of London, 1993.
- Kolonitskii, B.I. “Pervaya mirovaya voina: kul'tura epokhi i sotsial'naya pamyat'.” *Zvezda*, no. 11 (2014): 199–216 (in Russian).
- Lenin, V.I. “Proshhal'noe pis'mo k shveytzarskim rabochim.” In *Polnoe sobranie sochineniy*, 87–94. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1974 (in Russian).
- Lohr, E., and Sanborn, J. “1917: Revolution as Demobilization and State Collapse.” *Slavic Review* 76, no. 3 (2017): 703–709.
- Malysheva, S.Yu. *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917–1927)*. Kazan: Ruten Publ., 2005 (in Russian).
- Mosse, G.L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York; Oxford: Oxford University press, 1990.
- Nagornaia, O.S. “Musicalization of the First World War in Germany and Russia: Jubilee Exhibitions between Heroism and Humanism.” *Perm University Journal*, no. 4 (2014): 37–43 (in Russian).
- Nagornaia, O.S. “Plen Pervoy mirovoy voiny v sovetskoy khudozhestvennoy literature: konflikt i konsensus individual'nykh perezhivaniy.” In *Bol'shaya voina Rossii: sotsial'nyi poryadok, publichnaya kommunikatsiya i nasilie na rubezhe tsarskoy i sovetskoy epokh*, 127–140. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014 (in Russian).
- Nikonova, O., and Raeva, T. “Pervaya mirovaya voina v prazdnichnoy kommemoratsii rannesovetskoy epokhi.” In *Problemy istorii rossiyskogo sotsiuma*, 4–23. Chelyabinsk: Tsentra nauch. Sotrudnichestva Publ., 2011 (in Russian).
- Nikonova, O.Yu. “Voennoe proshloe Rossii i sovetskiy patriotizm: k postanovke problem.” In *Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletii*, 489–506. Chelyabinsk: Kamennyi poyas Publ., 2004 (in Russian).
- Nikonova, O.Yu. *Vospitanie patriotov: Osoviakhim i voennaya podgotovka naseleniya v ural'skoy provintsii (1927–1941 gg.)*. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2010 (in Russian).
- Orlovsky, D. “Velikaya voina i rossiyskaya pamyat'.” In *Rossiya i Pervaya mirovaya voina*, 49–57. St. Petersburg: Institut istorii RAN Publ., Dmitrii Bulanin Publ., 1999 (in Russian).
- Pakhalyuk, K.A. “Otrazhenie geroizma russkikh soldat i ofitserov Pervoy mirovoy voiny v memuarnoy literature sovetskogo perioda.” In *Velikaya voina: sto let*, 206–236. Moscow; Sankt Petersburg: [N.s.], 2014 (in Russian).
- Petrone, K. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011.
- Petrov, Yu. A. “Rossiya nakanune Velikoy revolyutsii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendentsii.” In *Rossiiskaya revolyutsiya 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura*, 12–26. Moscow: Political Encyclopedia Publ., 2017 (in Russian).
- Pokrovskiy, M.N. *Imperialisticheskaya voina. 1915–1930*. Moscow: URSS Publ., 2010 (in Russian).
- Porshneva, O.S. *Krest'iane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy Voiny*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Raeva, T.V. “Memorialization of the First World War in the USSR: ‘Agicide’ as a way of forming memory.” *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities* 14, no. 3 (2014): 11–13 (in Russian).
- Rolf, M. *Sovetskie massovyie prazdniki*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009 (in Russian).

- Senyavskaya, E.S. “Historical memory of the First World War: features of the formation in Russia and in the West.” *Vestnik MGIMO-University*, no. 2 (2009): 31–37 (in Russian).
- Tarkhova, N.S. “Kak sozdavalas' istoriya Pervoy mirovoy voyny (O deyatelnosti Komissii po issledovaniyu i ispol'zovaniyu opyta voyny 1914–1918 gg.)” In *Poslednyaya voyna Rossiyskoy imperii. Rossiya, mir nakanune, v khode i posle Pervoy mirovoy voyny po dokumentam rossiyskikh i zarubezhnykh arkhivov*, 27–36. Moscow: [N.s.], 2006 (in Russian).
- Ulyanova, S.B. “Campaign against imperialist wars in 1924: tasks, implementation, results.” *Vestnik of Kostroma State University*, no. 1 (2015): 41–44 (in Russian).
- Winter, J. *Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven & London: [N.s.], 2006.
- Winter, J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History*. Cambridge: [N.s.], 1996.

Информация об авторе / Information about the author

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Olga S. Porshneva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.